

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
№ 31. Галка	9
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 3 ноября 2024 года ...	42
№ 25. Бассейн	46
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 6 ноября 2024 года ...	84
№ 17. Поймать за руку	87
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 9 ноября 2024 года ...	120
№ 4. Каракатица, каракатица	122
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 2 ноября 2024 года ..	157
№ 10. Цветы катастрофы	160
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 16 ноября 2024 года ..	183
№ 16. Дартс с дьяволом	186
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 19 ноября 2024 года ..	223
№ 30. Лис Ванслоу	225
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 21 ноября 2024 года ..	258
№ 15. Могон	260
Извлечения из дела о Силвервид-роуд, 25 ноября 2024 года ..	293
№ 41. Пыль	296
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 27 ноября 2024 года ..	333
№ 22. За занавесом	336
Извлечение из дела о Силвервид-роуд, 30 ноября 2024 года ..	375
Благодарности	379

*Посвящается
Поли*

ПРОЛОГ

*Личный блог бывшего следователя,
старшего инспектора Джима Хита.
Выраженное здесь мнение не отражает
взглядов полиции Кента и пострадавших*

«Но ведь он выглядел совершенно нормальным», — часто слышал я об убийцах. Вы, конечно, тоже слышали. Может, и сами бормотали что-то в этом роде, когда у соседа напротив — того, что махал вам рукой, вынося за дверь мусор, — в холодильнике обнаружилась коллекция человеческих голов.

Так же можно бы сказать и о Силвервид-роуд. Совершенно скучная улочка, не отличимая от других по всей стране. Тихий тупичок в квартале Корвид, ряд домов упирается в лес. Псевдотюдоровские фасады глядят друг на друга через асфальтовую полосу. К каждому ведет короткая дорожка. За каждым имеется вытянутый садик.

За двадцать девять лет в кентской полиции мне ни разу не пришлось там побывать. Просто сонная улочка в сонном квартале на окраине Мидоу-тауна. Все изменилось в 2019 году, в том клятом ноябре, когда по улице пронеслась Смерть.

ПРОЛОГ

7

Пять лет прошло с тех злосчастных событий, приведших к тому, что меня выставили со службы, сделав козлом отпущения. Пять мутных лет в отставке, а ни одно дело так и не раскрыто.

Сорок один домик стоял в этом тупике, и из каждого выкрали по мгновению жизни.

№ 31

ГАЛКА

Всякого рода тля, слизни, улитки. Жучки, долгоносики, плесень и фитофтора. Со всеми Виктор Хангман вел войну.

Этот год для садика за домом 31 по Силвервидроуд стал испытанием на прочность. Ему пришлось пережить лето, когда бурая гниль поразила любимую грушу Виктора, свеклу поел проволочник, а до зимы, которая укроет садик своим покрывалом, остался последний урожай, и уж его Виктор твердо решил сохранить.

Под решетчатым куполом, согретая солнцем, у высокой ограды по жердочкам подпорок вилась позднецветная малина — сочный, выносливый сорт, известный как «осеннее сокровище».

Зацветшая под конец сентября малина целиком завладела мыслями Виктора. В долгом отпуске по болезни после перенесенного инсульта он, бухгалтер, начал воспринимать свой садик не полоской земли, а ожившими графиками и колонками цифр, где каждый урожай стал непререкаемым «итога». Вопреки всем неудачам, Виктор упрямо верил, что организация и строгий учет укротят силы природы.

Обычный уход за «осенним сокровищем» превратился в стойкий невроз. Он заботливо укрывал корни мелким щебнем и соломой, четырежды в день проверял на гниль, полировал до блеска медную решетку купола и спрыскивал листья водой «Эвиан».

В морозное ноябрьское утро в половину седьмого утра в просвете домов на Силвервид застенчиво подмигнуло солнце. Виктор раздвинул занавески спальни и выглянул в сад. От первого же взгляда у него стеснило грудь: по траве расползлась серебристая изморозь — новый враг, которого предстояло сокрушить. Жена, Патриция, перевернулась на кровати, заслонив ладонью от солнца ласковые зеленые глаза. Всмотревшись в силуэт мужа, она застонала в подушку.

— Который час, Виктор?

— Опять заморозки. Всё в инее.

Через минуту-другую Виктор был уже на лужайке, хрустел зелеными резиновыми сапогами по траве, пробираясь к куполу. Патриция, глядя на него сквозь занавеску, закатила глаза: муж разыгрывал комедию без слов. Путаясь в змеившемся от кухни шнуре, он размотал катушку удлинителя и отстегнул сетку от насекомых — единственный вход под решетчатый купол.

Он запнулся ногой о шнур и ввалился внутрь, отмахиваясь от лезущих в лицо листьев. Суетливо, в спешке подключил позаимствованный у жены фен для волос и принялся обдувать подпорки горячим воздухом.

Патриция, расчесывая длинные серебристые волосы, поморщилась от воя фена. Если ей

Саймон Крук. СИЛВЕРВИД-РОУД

слышно здесь, через двойное стекло, что же на улице? «Если Рой Баркер опять подбросит жалобу в почтовый ящик,— решила она,— пускай теперь Виктор с ним разбирается». Пока она, морщась, причесывалась, к вою фена примешался отдаленный щебет. Когда он стал отчетливей, Патриция свела брови. Щебет словно кружил над домом, высоко над крышей.

Патриция уже ставила чайник, когда на кухню наконец вошел довольный Виктор, избавившийся от большей части инея. Его Сокровище было достойно своего названия: рубиновые самоцветы, такие сочные, будто вот-вот лопнут, величиной с подушечку большого пальца. Через два дня Виктор снимет урожай — редкая победа в этом трудном году.

— Порядок восстановлен? — осведомилась Патриция, просто чтобы завязать разговор, не особо интересуясь ответом.

— Да-да,— отозвался Виктор. Он снял с подставки-дерева свою чашку, поставил ее поближе к чайнику.— Через пару дней можно собирать.

— Никто другой,— заметила Патриция,— не додумался бы обдувать малину феном.

Виктор тут же ощетинился:

— Если уж взялся за дело, делай как следует или вовсе не берись!

«Лучше не берись,— пожелала Патриция.— Не берись!»

Она передала Виктору чай. Как он был красив — даже на шестом десятке — а теперь редкие серые волосы отступили ото лба, мочки ушей каплями

воска стекали вниз, а спутанные брови напоминали ей шарики пыли, которые она доставала из насадки пылесоса. А руки, которые раньше так нежно ее ласкали... Садовая мания превратила ногти в почвенный слой. Чернота въелась глубоко: Патриция шутила, что он мог бы растить под ногтями редиску. Виктор не удержался, поправил. Салат — еще может быть. Редиску — никак.

Патриция смотрела, как он шумно прихлебывает чай. Виктора ли она любит или память о нем? Случившийся в прошлом мае инсульт изменил мужа. Внешне он словно бы не пострадал, но внутреннее землетрясение открыло новые линии разлома. Выжив, он стал иногда воображать себя богом всемогущим: если природа с ним не соглашалась, он, бывало, обрушивался на нее яростью — прежде она такого не замечала. Доктор Госден называл это «эмоциональной лабильностью» — последствия инсульта, но легче от этого объяснения не становилось.

При виде сада она ощущала подкрадывающееся чувство одиночества: муж оставил ее ради глубокой черной земли.

Когда Виктор поднялся наверх принять душ, Патриция отнесла фен в спальню. Задержалась у окна, скользнула по саду взглядом. Виктор запретил ее любимые кормушки для птиц — волновался за свою драгоценную малину. Теперь ей даже порхнувшая мимо лазоревка была в радость, но этим утром она заметила другое. На ветке выросшей у соседей серебристой березы примостились две галки. Патриция, с тех пор как Виктор нало-

Саймон Крук. СИЛВЕРВИД-РОУД

жил запрет на кормушки, утешалась книгами о птицах, изводя мужа подробными описаниями. Виктор видел в галках вредителей, а Патриция питала к ним слабость. Что ни говори, у них самки крупнее и умнее самцов.

Она смотрела, как более крупная галка чистит мужу перышки. Тот покорно склонял голову, а она перебирала клювом отливающие серебром пушинки у него на затылке. В рамке занавесок это выглядело любовной сценкой в маленьком театре. Кажется, галки составляют пары на всю жизнь? Пока смерть не разлучит?

Галка-самка, встряхнув перьями, беззвучно снялась с ветки и приземлилась на верхушку решетчатого купола над Викторовой малиной. От удара клюва лопнула тонкая сетка. Галка коротко, решительно ее потянула — и разрыв пошел дальше.

Не доведя дела до конца, она выпустила из коготков прут решетки, хлопнула крыльями и, зависнув в воздухе, дернула язычок молнии на сетчатой дверце. Треугольная щель расширялась с каждым рывком. Патриция ахнула: какая сообразительная!

В доме номер 9, напротив, грохнул выхлопом отъезжающий минивэн. Испуганная галка разжала клюв, на полдороги прервав эксперимент. Вернувшись на ветку к мужу, она сердито зыркнула на клетку и неспешно обернулась к дому. Патриция через оконное стекло встретила с птицей глазами. Ее неподвижный взгляд так проникал сквозь стекло, словно она смотрела не *на* женщину, а *внутри* нее. От нахлынувшего ощущения

связи между ними у Патриции зачастил пульс. За-
вороженная блеском серебряных глаз, она прижа-
ла ладонь к стеклу...

И подскочила от звука открывшейся двери.
Обернувшись, она увидела полуголого Виктора, вы-
тиравшего брюшко тонким голубым полотенцем.

— Что там? — спросил он, кивнув на окно.

— Ничего.— Патриция беспокойно пригладила
волосы.— Просто замечталась, Виктор. Просто за-
мечталась...

Когда она снова обернулась к окну, галки не
было и мимолетное чувство взаимопонимания
пропало. Патриция улыбнулась странноватой
улыбкой, закрыла занавеску и стала раздеваться
перед душем.

Завернувшись в полотенце, она прошлепала
мимо Виктора, не заметив знака за занавеской.
Там, где ее ладонь оставила отпечаток на стекле,
на наружном краю рамы виднелась царапина от
птичьего когтя.

Резко, отчаянно крикнула птица.

Виктор встрепенулся. На будильнике у кровати
5 утра. Рассветный хор не должен был зазвучать
раньше марта. Что за игру завели чертовы птицы?
Виктор вывалился из кровати. Лужайку лизнула
тень. В глубине сада что-то шевельнулось. Ближе
к задней изгороди. Ближе к клетке над малиной.
К его «осеннему сокровищу».

Разбуженная Патриция подскочила на постеле.
Резкий голос мужа усилил ее растерянность от
внезапного пробуждения.

Саймон Крук. СИЛВЕРВИД-РОУД

— Непрошенные гости,— сказал Виктор.

— Что такое? — задыхнулась Патриция.— Грабители?

— Хуже,— ответил Виктор.— Птицы.

Патриция, мучительно застонав, снова упала на подушку, проклиная про себя каждый шаг топчущего вниз Виктора. Он, схватив фонарик, выскочил в сад.

Птицы разлетелись, трепеща крыльшками. Но они уже наделали беды. Траву пятнала кровь малины.

Виктор, потрясая фонарем, бросился к клетке. Язычок молнии был сдвинут вниз, открывая широкую треугольную щель — достаточно широкую, чтобы пролететь птице. Он ухватил его, дернул вниз и протиснулся в клетку.

И замер, поскуливая при виде бойни внутри. Они даже листья поклевали — с погнувшихся жердей свисали рваные клочья. Как, черт возьми, они попали внутрь?

Шумно вырвавшись из клетки, уже начинавший закипать Виктор направил фонарь в сторону птичьего крика на соседской березе. Высоко наверху пристроилась пара галок. Головки у них были вымазаны красным, словно их обмакнули в кровь. И на когтях осталась раздавленная в кашу малина. Виктор взорвался — замахал руками, грозно заорал. Галки встрепенулись и, ударив крыльями, рванулись в небо. Они улетали к темной чаще леса за тупиком Силвервид. С когтей капала кровь малины.

Атмосфера в номере 31 сгустилась, как пред грозой. Виктор кружил по комнате. Жена, попытавшаяся его успокоить, нарвалась на жестокий отпор. Уходя на работу в Мидстоунскую библиотеку, Патриция с порога крикнула мужу: «Пока!» Виктор не отозвался.

Оставшись один, он излил страдание в тяжелых всхлипах. Восстановленные после удара силы, созданный им опрятный, упорядоченный мир — все уничтожено, растерзано, беспощадно изодрано. Он утер глаза, высморкался, чувствуя, как горе разгорается, уплотняется до опаляющей ярости.

Когда он снова вылетел в сад, готовый снести клетку, его остановила холодная мысль. «Погоди,— прозвучало у него в голове.— Рано». Виктор закрыл молнию, оставив треугольную щель, такую же, как он утром застал на месте преступления. С жердей еще капал сок поклеванных ягод. «Преступники,— решил Виктор,— вернутся на эту приманку». Два часа он просидел в засаде, припав к раме кухонного окна. Заслышав вдалеке птичий крик, напрягся. Отложил надкусанный сэндвич с курятиной и прикипел взглядом к решетке клетки.

Две черных галки опустились на купол. Та, что поменьше — на верхушку, нести дозор. Галка покрупнее вцепилась когтями в сетку от насекомых, разбираясь с молнией. Подцепив клювом язычок, она зависла над дверцей, короткими рывками дергая застежку.

Так вот как! Чертовы пернатые воровки...

Саймон Крук. СИЛБЕРВИД-РОУД

Виктор с воплем выскочил в сад, снова спугнув птиц. И проследил взглядом их неровный полет, не сомневаясь, что они скоро вернуться.

Он торопливо разобрал клетку, повыдергивал жерди и разложил их на газоне в десяти футах от кухонного окна. Раненые малинины, капая соком, стекали с жердей и кровавили траву.

Наверху, в свободной комнате, Виктор откинул крышку вещевого ящика и стал шарить в оставшемся с юных лет хламе. Молодой Виктор часто проводил воскресные дни с отцом в холмах кентского Делтинга, стреляя кроликов на ужин.

— Вот ты где!

Виктор вытащил рогатку: «Черная вдова», когда-то она отлично ему служила. Поцелкав на пробу желтой резиновой лентой, он направился на кухню. В ладони позвякивали серебристые шарики снарядов.

Ловушка приготовлена. Виктор бросил гневный взгляд за окно, наострил обвисшие уши, поджидая возвращения визгливых воришек.

Над открытыми небу кустами теперь порхали лазоревки. Каждая их трель, каждое жадное щелканье клюва разжигало его гнев. Рука все крепче сжимала рогатку. Наверху раздался визгливый крик:

Ак-ак...

Потревоженные лазоревки разлетелись. Галки приземлились обе разом, закивали головками, прыжками придвигаясь к жердям.

Виктор вложил шарик и принял позицию для стрельбы. Навалился на подоконник, поднял

рогатку на уровень глаз. Он сорок лет не брал в руки «Черную вдову», но мышцы все помнили.

Виктор смотрел, как галки, приплясывая вокруг жердей, клюют недоклеванное ночью «осеннее сокровище». Вот и цель в поле зрения: меньшая из пары.

Патриция вечно донимала его фактами из жизни птиц. Большею частью все это влетало в одно ухо и вылетало из другого, но кое-какие мелочи застревали. Галки женского пола крупнее, хвалилась она. Значит, в его поле зрения самец. Виктор уперся локтем, оттянул резинку, прицелился.

Лента щелкнула. Снаряд расплылся в полете. Искрами взметнулись серебристые перышки.

Галка свалилась с жерди.

Когда Виктор примчался на лужайку, перепуганная самка уже затерялась в небе. Скрывая улыбку в недобрых голубых глазках, он поднял свою жертву, безжизненную, как обвисшая черная тряпка. Шейка галки болталась в его цепких пальцах.

На серебристой березе ошарашенно стрекотала самка, глядя на своего безжизненного партнера.

Встревоженный ее страдальческими криками Виктор поднял глаза. Самка встретила его взгляд, впилась горящими глазками. На одно неприятное мгновение Виктор окаменел, пойманный ее немигающим взглядом. Сердце укололо жутковатым ощущением, что это *его* изучают, пересчитывая и запоминая каждую черту. Время застыло. Из сада тянуло теплым ветерком. Галка не отводила пронзительного взгляда.

Саймон Крук. СИЛБЕРВИД-РОУД

Когда Виктор моргнул, галка взлетела, померкла пикселем в сером, как асфальт, небе. Стряхнув озноб, он вспомнил о зажатом в руке трупике. Виктор встряхнул безжизненную тряпку, на его лицо вернулась безумная улыбка. Холодные косточки, потрескивая, ломались в пальцах.

Вернувшись со смены в Мидстоунской библиотеке, Патриция нашла Виктора на кухне с расплывшейся по лицу самодовольной улыбкой.

— Достал,— объявил он.

— Что достал? — нахмурилась она.

Виктор кивнул на окно — смотри! С жерди, где прежде стоял решетчатый купол, свисал, раскачиваясь на ветру, растрепанный черный трупик.

— Других отгонять,— сказал ободренный успехом Виктор.— На случай, если вернется.

Патриции представились нежные любовники в раме окна — ласковые касания клюва, взъерошенные перышки... а потом взгляд снова вернулся к подвешенному в саду ужасу. Любовь, обернувшаяся ужасающей рваной тряпкой — из-за какой-то малины! Хлесткая пощечина, стершая улыбку с лица Виктора, обоих застала врасплох.

— Это за что же?

Патриция, ни слова не сказав, развернулась на каблуках. Виктор молча растирал щеку. Снаружи, над крышей, кружила в сгущающихся тучах тень. Кирпичный коридор псевдотюдоровских домиков зажал в себе крик, отозвавшийся по всей Силвервид-роуд.

— Ак-ак! — кричала галка.— Ак-ак!

